

АЗБУКА
БЕСТСЕЛЛЕР

Книги
Кристины Бейкер Клайн:

Поезд сирот

Изгнанницы

Кристина Бейкер
Клайн

ИЗГНАННИЦЫ

Санкт-Петербург

*Посвящается
Хейдену, Уиллу и Эли*

И пусть не говорят, что прошлое мертво:
Оно повсюду — и вокруг, и в сердце нашем.

*Уджеру Нунуккал,
австралийская поэтесса-абориген*

ПРОЛОГ

Остров Флиндерс, Австралия, 1840 год

К тому времени, когда начались дожди, Матинна уже почти два дня пряталась в буше. Ей было всего восемь, и она мало что умела, но как затеряться, пропасть из виду, знала. Едва научившись ходить, девочка исследовала каждый уголок Вилабенны, удаленного поселения на острове Флиндерс, куда ее народ был изгнан еще до рождения Матинны. Она носилась вдоль гранитной гряды, протянувшейся по верхушкам холмов, рыла ходы в сахарных дюнах на пляже, играла в прятки среди зарослей и кустарников. Знала всех животных: поссумов, валлаби и флиндерсов — маленьких кенгуру, которые жили в лесу и выходили только по ночам; тюленей, которые нежились на скалах и, перекатываясь, соскальзывали в волны прибоя, чтобы охладиться.

Тремя днями ранее в Вилабенну на корабле прибыли губернатор Джон Франклин и его супруга, леди Джейн; они проделали путь более чем в двести пятьдесят миль от своей резиденции, расположенной на острове Лутрувита — или Земле Ван-Димена¹, как его называли белые. Матинна и другие дети стояли на гряде, пока губернатор с женой поднимались с пляжа в сопровождении полудюжины слуг. Леди Франклин было тяжело идти в блестящих ат-

¹ *Земля Ван-Димена* — первоначальное название острова Тасмания, использовавшееся европейскими исследователями и переселенцами. — *Здесь и далее примеч. перев.*

ласных туфельках: она то и дело поскользывалась на камнях. Крепко вцепившись в руку мужа, женщина нетвердой походкой шла к ним с таким кислым выражением лица, будто проглотила кусочек артишока. Морщины на ее шее напомнили Матинне розовые мясистые сережки медососа.

Прошлым вечером старейшины палава¹, собравшись вокруг костра, обсуждали предстоящий визит губернатора. Христианские миссионеры готовились к нему много дней. Детям наказали выучить танец. Матинна сидела в темноте на краю круга, как делала часто, и слушала разговоры, которые старейшины вели, оципывая буревестников и жаря на тлеющих углях моллюсков. Джон Франклин и его жена, по общему мнению, были людьми порывистыми, взбалмошными и довольно глупыми; ходило много историй об их диковинных, своеобразных до странности начинаниях. Леди Джейн, например, до смерти боялась змей. Однажды она надумала платить по шиллингу за каждую принесенную ей мертвую змею, что, понятное дело, вызвало настоящий ажиотаж. Нашлось немало желающих подзаработать на разведении рептилий, так что это стоило сэру Джону небольшого состояния. В прошлом году супруги посетили Флиндерс с целью пополнить свою коллекцию черепами аборигенов — подумать только, они отрубали трупам головы, а затем отваривали их, чтобы отделить плоть от костей.

Джордж Робинсон, англичанин с лошадиной физиономией, бывший главой поселения на Флиндерсе, жил со своей женой в кирпичном доме, стоящем в полукруге из восьми кирпичных зданий, где размещались комнаты для прислуги, изолятор

¹ *Палава* — самоназвание коренного населения острова Тасмания.

и диспенсарий¹. За ними находилось двадцать хижинок для палата. Первую ночь после своего приезда сэр Джон и леди Джейн провели в доме Робинсонов. На следующий день рано утром они осмотрели поселение, пока их слуги раздавали бусы, бисер и носовые платки. После полуденного обеда туземцев позвали развлекать гостей. Чета Франклинов восседала на двух стульях красного дерева на открытом песчаном участке перед кирпичными домами, и на протяжении следующего часа или около того несколько здоровых мужчин-палата были вынуждены разыгрывать бой и соревноваться в метании копий. Затем к гостям торжественно вывели детей.

Пока Матинна танцевала на белом песке в кругу с другими детьми, леди Франклин наблюдала за ней с задумчивой улыбкой.

Будучи дочерью вождя племени лоурини, Матинна давно привыкла к повышенному вниманию со стороны окружающих. Несколько лет назад ее отец, Тоутерер — как и многие другие аборигены, насильственно переселенные на Флиндерс, — умер от чахотки. Матинна гордилась тем, что была дочерью вождя, но, по правде говоря, отца толком не знала. Ее еще трехлетней малышкой отправили из родительской хижины в кирпичный дом, где она жила вместе с белой учительницей, которая заставляла девочку носить чепец и платья на пуговицах, учила воспитанницу говорить, читать и писать по-английски, правильно держать нож и ложку. Но Матинна все равно каждый день старалась проводить как можно больше времени со своей матерью Ванганип и другими соплеменниками, из которых

¹ *Диспенсарий* — учреждение, бесплатно раздающее бедным лекарства.

почти никто не знал английского языка и не соблюдал британские обычаи.

А несколько месяцев тому назад мама умерла. Ванганип всегда ненавидела Флиндерс. Она часто забиралась на остроконечный холм близ поселения и глядела через бирюзовое море в сторону своей родины, лежащей в шестидесяти милях отсюда. «Какое ужасное место, — говорила она Матинне, — этот бесплодный остров, где ветер дует так сильно, что выворачивает из земли овощи и раздувает маленькие огоньки до адского пламени, а деревья сбрасывают кору, словно змеи шкуру». По словам матери, Флиндерс не имел ничего общего с землей ее предков. Лежал проклятьем на ее душе. На душах их всех. Их соплеменники постоянно болели; большинство детей, рождавшихся на острове, умирали, не дожив и до года. Народу палача пообещали землю, где царят мир и изобилие; если они будут делать, что велено, утверждали британцы, им позволят жить так, как раньше. «Но все это оказалось враньем. Сплошным враньем, в которое мы так глупо поверили, — горько вздыхала Ванганип. — А что нам оставалось? Англичане и так уже все забрали себе».

Заглядывая в лицо матери, Матинна видела в ее глазах гнев. И все же сама девочка не испытывала ненависти к острову. Флиндерс был единственным домом, который она знала в своей жизни.

— Подойди, дитя, — произнесла супруга губернатора после окончания танцев, поманив малышку пальцем.

Когда Матинна послушно приблизилась, леди Франклин, внимательно ее рассмотрев, повернулась к мужу.

— Какие выразительные глазки! И личико прелестное, тебе так не кажется? На редкость симпатичное для туземки.

Сэр Джон пожал плечами:

— Честно говоря, для меня они все на одно лицо.

— Интересно, получится ли привить ей правильные манеры, дать воспитание?

— Она живет в доме школьного учителя, и тот обучает ее английскому, — сказал Робинсон, выступая вперед. — Девочка уже неплохо разговаривает.

— Как интересно. А где ее родители?

— Она сирота.

— Вот, значит, как. — Жена губернатора снова повернулась к Матинне. — Скажи что-нибудь.

Матинна изобразила книксен. Заносчивая грубость англичан уже не вызывала у нее удивления.

И уточнила:

— Что прикажете сказать, мэм?

Глаза леди Франклин округлились.

— Бог мой! Я впечатлена, мистер Робинсон. Да вы обращаете дикарей в добропорядочных граждан.

— Поговаривают, что в Лондоне орангутангов обряжают на манер джентльменов и учат читать, — задумчиво произнес сэр Джон.

Что такое орангутанг, Матинна не знала, но слышала, как, сидя вокруг костра, старейшины говорили о дикарях — английских китобоях и тюленщиках, которые жили, словно звери, и чихать хотели на правила приличия. Леди Франклин, должно быть, что-то напутала.

— Здесь немного другая история, — со смешком возразил Робинсон. — Аборигены, как ни крути, все-таки люди. Наша теория заключается в том, что, меняя внешние обстоятельства, можно изменить и личность человека. Мы приучаем их к нашей пище, нашему языку. Наполняем их души христианской верой. Вот поглядите: туземцы теперь и одежду носят. Мужчинам мы остригли волосы, а женщинам внушили представление о скромности. Чтобы

перемены проходили легче, дали им христианские имена.

— Я так понимаю, смертность среди них довольно высокая, — заметил сэр Джон. — Из-за деликатной конституции.

— Весьма досадное, но неизбежное обстоятельство, — подтвердил Робинсон. — Мы вывели туземцев из буша, где они не ведали ни Бога, ни даже того, кто сотворил их деревья. — Он хихикнул и уже более серьезно продолжил: — Не следует забывать, что все мы рано или поздно умрем, но прежде должны вознести Господу молитвы, позаботившись о спасении своей души.

— Совершенно верно. Вы оказываете дикарям большую услугу.

— Как зовут вот эту? — поинтересовалась леди Франклин, снова обращая свое внимание на Матинну.

— Мэри.

— А как ее звали изначально?

— Изначально? Аборигены называли ее Матинной. Миссионеры окрестили Ледой. Мы остановились на чем-то не столь... вычурном, — ответил Робинсон.

Девочка не помнила, чтобы ее окрестили Ледой, а вот имя Мэри мама просто терпеть не могла, поэтому папава наотрез отказывались его использовать. Так Матинну называли только англичане.

— Ну что ж, по-моему, она прелестна, — сказала леди Франклин. — Я бы хотела оставить ее себе.

Оставить себе? Матинна попыталась поймать взгляд Робинсона, но тот словно бы не замечал ее стараний.

Сэр Джон выглядел слегка удивленным:

— Ты намерена забрать ее к нам домой? После того, что случилось с твоим последним приобретением?

— На этот раз все сложится по-другому. Тимео был... — Леди Франклин вздохнула и покачала головой. — Вы сказали, девочка сирота? — уточнила она, оборачиваясь к Робинсону.

— Да. Ее отец был вождем племени. Мать, овдовев, снова вышла замуж, но недавно тоже умерла.

— Получается, она принцесса?

Робинсон слегка улыбнулся:

— Пожалуй, в каком-то смысле.

— Хм-м... — Леди Джейн повернулась к мужу. — Ну так что, ты не против?

Сэр Джон благосклонно улыбнулся.

— Если тебе угодно развлечься подобным образом, моя дорогая, то полагаю, вреда от этого не произойдет.

— Мне думается, будет занятно.

— А если нет, мы всегда можем отправить девочку обратно.

Матинна не хотела покидать остров с этими вздорными людьми. Не желала расставаться со своим отчимом и другими старейшинами. С какой стати ей вдруг уезжать в какое-то новое, незнакомое место, где ее никто не знает и не любит? Ухватив Робинсона за руку, она прошептала:

— Пожалуйста, сэр. Я не...

Грубо выдернув руку, он обратился к чете Франклинов:

— Мы сделаем необходимые приготовления.

— Замечательно. — Леди Франклин склонила голову набок, оценивая девочку. — Значит, Матинна? Я бы предпочла звать ее так. Тем сильнее будет удивление окружающих, если она усвоит манеры, приличествующие леди.

Позже, когда сопровождающие губернатора отвлеклись, Матинна юркнула за кирпичные дома, возле которых сейчас собралось множество народу. Она так и не сняла церемониальную накидку из

шкур валлаби, которую подарил ей перед смертью отец, и ожерелье из крохотных зеленых ракушек, сделанное матерью. Пробираясь через заросли травы валлаби¹, чувствуя голенями ее шелковое касание, девочка слушала брешущих собак и курравонгов, упитанных черных птиц, которые при приближении дождя издавали залиvistые трели и хлопали крыльями. Вдыхала знакомый аромат эвкалипта. Скользнув в буш, начинающийся сразу за расчищенным участком, Матинна подняла глаза и увидела, как в небо извергается гейзер тонкоклювых буревестников.

¹ Имеется в виду дантония длиннолистная.

ЭВАНДЖЕЛИНА

Я не помню ни одного случая, чтобы какая-либо вышедшая на свободу преступница оказалась добропорядочной женщиной. И считаю своим долгом рассказать об их явных и постыдных пороках. Просто невысказано, насколько все эти особы дерзкие и жестокие, даже свирепые. Они являются мировой язвой, гангреной колониального общества, таким поношением человеческой природы, позором всему живому, ибо дикие звери — и то лучше.

Джеймс Муди.

*Преступники Нового Южного Уэльса:
Правдивое отображение истинной
романтики жизни на побережье
Ботанического залива. 1837*